

ЛАНГУСТЫ И УСТРИЦЫ

записки рок-н-ролльщика

«Свое отмятежили, будто и не жили...»

Дин Молочков, «СКАТЕРТЬ»

Пролог

Я задумал эту книгу в унылый, доводящий почти до безумия период, который наверняка знаком каждому, познавшему тайную прелесть бессонницы, литератору. Кажется, Хэмингуэй называл такое время – «Дни черной задницы», хотя я мог бы определить свое состояние более коротким и выразительным словом – «Непруха»!

Это случилось в год, когда я только что закончил первую повесть и два рассказа (они до сих пор пылятся где-то на полках), повода для дальнейших полуночных бдений не находилось и я ясно увидел перед собой Ее насмешливое, отчего-то совершенно огорчившее меня отсутствием зубов и первичных признаков интеллекта, лицо.

– Так вот, – подумал я, – какая она бывает, Непруха-то!

– Ха-ха! – согласилась она и исчезла во тьме.

А я начал писать эту книгу. Потому что, раз уж случилась такая пакость, и сюжет нового романа бродит в мозгах какого-то другого писателя, то лучшее, чем вы можете занять свой досуг – это либо безжалостное истребление алкогольных напитков, либо – написание книги о себе самом (о себе-любимом – подсказывает шутник в голове).

Так вот, я начал вспоминать разные случаи и другие забавные вещи, происходившие когда-то со мной, но скоро понял, что пишу нечто отдаленно напоминающее автобиографии великих людей.

– Ну, нет! – сказал я «себе-любимому», – Если уж ты взялся за такую фигню, то хоть справедливости ради расскажи о Дине, о Поэте, о Старом, и о других...

И я думал назвать свою повесть так: «Хроники исчезающего завтрака». Не слишком претенциозно? В общем, теперь вы читаете то, что носило раньше такое вот, чудное название. Но не в этом дело... Я решил написать понемногу обо всем, что знаю (Господи, кажется, опять Хэм – «черная задница»!). Ладно, я заключу в свою книгу весь тот привычный и, в общем-то, любимый мною мир, каким я застал его, когда однажды утром распахнул окно и выглянул в пропахший сопревшей листвой, по-осеннему солнечный двор. Когда рядом были друзья, когда всё только только начиналось...

«...Я расскажу вам про Техасское радио и Биг-Бит!», про Дина и про то, каким был Женька Щетинин пока его не прибрала к себе эта бледная подруга, падкая на молодых и часто живущих лишь ей назло, музыкантов. Я расскажу о том, какими были мы, пока другие писали свои мемуары, потому что про нас, точно, никто не напишет. И, наконец, я расскажу, чем закончилось для меня вечное противостояние между миром Лангустов и Устрицами. Я не обещаю вам «Happy end», но ведь это не самая необходимая вещь на свете, не правда ли?

Часть I

Глава 1

Видимо, дело в том, что я появился на свет мертворожденным. Так случается иногда – на мгновение мелькнет перед глазами розоватая муть и снова что-то дергает вверх: в темноту и в промерзший суглинок. Так я и болтаюсь между двух миров, точно пьяный циркач. По вечерам слушаю музыку и, укутавшись в зеленый, пробабкин еще плед, засыпаю под шелест проливного дождя. Золотой песок струится меж пальцев, время медленно ткет свою паутину...

Воспоминания детства: вновь мне мерещится тот фарфоровый рай, куда путь отныне закрыт. Там до сих пор, наверное, тонут в лужах мои, выточенные из сосновой коры, каравеллы, а на стене крохотной спальни, аккуратно прищипленные булавками, сохнут первые акварели.

Снова вижу это синее, без единого белого пятнышка небо. В распахнутое окно дышит прохладное, волнуемое за миг до пробуждения, утро. На кухне что-то шкворчит, пахнет вскипевшим молоком, блинами с вареньем... Старшие уже встали и теперь весело спорят о чем-то своем, радио надывается от торжественных маршей.

Сегодня выходной и, поэтому, никто не спешит. Может быть, мы пойдем в парк – там на карусели дожидается меня одноногой, отчего-то всегда печальный олень, а под эстрадой летнего театра живет (это известно всем мальчишкам в нашем дворе) страшный Мусорщик. Если раздвинуть широкие доски чуть-чуть и затаиться, обязательно услышишь, как он возится там, в куче прошлогодней листвы и скрипит кривыми, похожими на ржавые гвозди, зубами.

Но самые таинственные, самые непредсказуемые часы наступают, когда зажигается над кроватью зеленый глаз ночного светильника, мир пропадает в сумерках за окном и только шелест страниц (хорошо, если книга с картинками) напоминает о том, что во вселенной есть еще какие-то вещи, существующие помимо этой тайны, этой мерцающей тишины.

Мы все росли тогда в одном дворе – я и те, кто на долгие годы стали моими спутниками в нескончаемых странствиях. Музыка была нашим единственным божеством, причем, в отличие от Иисуса, она являлась по первому зову – стоило лишь нажать кнопку проигрывателя. Мир кружился со скоростью 33 1/3 оборотов в минуту. Я сам остановил его. Но обо всем по порядку...

В то время, когда жизнь на планете только начинала свое скачкообразное развитие, из глубин океана донеслась странная, совершенно не похожая на все существующие уже звуки, вибрация. Сначала ощущалось лишь слабое пощелкивание, свист. Затем, щелчки стали более ритмичными, они складывались в удивительную, никогда ранее не слыханную, симфонию.

Это были Лангусты – они первыми нарушили покой каменистого дна. Своими неуклюжими ротовыми пластинами они выбивали четвертые и шестнадцатые доли, радуясь золотистым лучам восходящего солнца. Такой была их песня, их осязание радости и понимание гармонии всего сущего.

Тонны клетчатки, еще не оформившейся, плавающей в воде, словно студенистый кисель, были застигнуты врасплох. Их нежные стеклярусные хоботки-щупальца и нервные окончания реагировали на незнакомый раздражитель крайне отрицательно. Поэтому, каждое уважающее себя одноклеточное немедленно решило обзавестись, соответствующего размера, раковиной. Так появились Устрицы.

Последующая эволюция сформировала два совершенно отличных друг от друга биологических вида. История их взаимоотношений прослеживается на любом этапе развития цивилизации. Практически каждое, сколько-нибудь значимое событие, будь то крушение империи ацтеков или запись первого альбома «The Rolling stones», несет в себе отголосок этой непримиримой, хотя подчас едва заметной борьбы, которая происходит между кланом Лангустов и Устрицами. Сколько тысячелетий это продлится еще – неизвестно. Военного положения никто до сих пор не отменял.

Глава 2

И вот мы мчимся в неизбежность со скоростью ста двадцати ударов в минуту. Вагон подбрасывает на стрелках, но уже через мгновение, когда все мороженщицы, продавщицы вечерней прессы, пассажиры и их копченые курицы возвращаются на прежние места, откуда-то сверху заспанный голос объявляет нам: «Станция «Сортировочная»... Значит, наконец-то! Значит, будут-таки отделять зерна от плевел! Значит, не зря тряслись мы, отбивая седалища в этом прокисшем, пасмурном киселе. Не дай нас в утрату, Господи! Всех, кто сохранил остатки веры и разума в эти проклятые времена...

Поезда – большие изумрудные драконы. Они проносили нас в своих переполненных чревах мимо сверкающих городов, никогда не делая остановок там, где нам действительно хотелось сойти. Они увозили нас прочь от знакомых, с детства принадлежавших нам каждой трещинкой, милых сердцу вещей: мягких диванов, уютных по вечерам кухонь с неизменными чаепитиями и книг. Под

тошнотворное небо Санкт-Петербурга, в дождь, в сыворотку снегопада. Туда, где нас никто не ждал, в парализованные студии с микрофонами, закрепленными на стойках – кое-как – куском скотча. Туда, где трещали и били электричеством провода, где пьяная гопота топтала зашкалившие усилители. Мы потеряли многих: одного сожрал рак, другой не смог выбраться из петли... Как это пел Ник Рок-н-ролл: «Високосным выдался этот год!»?

Ник – он же Николай Францевич Кунцевич появлялся в Екатеринбурге, у моего друга Дина не часто (но выпивал, при этом, весь имевшийся в доме одеколон, а по ночам тырил из холодильника маринованные грибы). Я как раз поступил в универ и снимал у Дина комнату. Вдвоем мы довольно неплохо уживались на отведенных для творчества сорока пяти метрах: Дин был помешан на Башлачеве, я – на «Битлах», и оба мы втайне считали себя инкарнациями Джима Моррисона. Колю только что в очередной раз достали из-под капельницы и он не пил, зато читал забавные стихи, тарачил глаза и показывал нам «Ник-эффект»: собравшиеся должны были хлопать себя по ушам, в то время как автор изобретения блажил во всю глотку. Ночью нам снились упыри и покойники, завывавшие голосом Ника: «Филька Шкворень, Угрюм-река-а-а!»

Он приехал в Е-бург на очередной концерт и предложил тогда Дину выступить вместе. В клуб неформального общения молодежи «Ключ» (так это звучало!) набились панки. Все требовали Ника на золотом блюде. И лишь после того как герой вечера объяснил молодежи, что не будет выступать без Дина, стали слушать также и его. Сам Ник больше читал стихи – свои и Боба Дилана, был трезв и почти не кривлялся, а завершил шоу очень эффектно – погасив поцелуем горящую свечку.

Через день он пропал. Его часто видели у ларьков в районе студенческой общаги на Большакова: Коля пропивал свои пластинки, выпущенные на студии «Мелодия» – едва ли не последний «винил», который мне довелось видеть.

Запомнилась одна история апокрифического характера, рассказанная самим Ником. Как-то его познакомили с только-только начинавшим свою политкарьеру Жириновским. Тот, по незнанию, сунул Нику визитную карточку с домашним телефоном. А, надо сказать, была у Коли замечательная, в своем роде, привычка: напившись, он начинал звонить всем, чей телефон мог на тот момент вспомнить (особенно страдал Кинчев). И вот, будучи на гастролях в Киеве, Ник, не подумав даже, что в Москве может быть глубокая ночь, принялся звонить Жирику. Произошел следующий диалог:

Ник: Здравствуйте, Владимир Вольфович!!!

Жириновский: Вы с ума сошли, два часа ночи! Кто это вообще говорит?

Ник: Я это, Ник Рок-н-ролл.

Жириновский: Какой может быть рок-н-ролл? Вы на часы посмотрите!

Ник: Вла-а-димир Вольфович, я в Киеве. Меня тут хохлы совсем заебали, даже поговорить не с кем...

Жириновский: Что? Хохлы заебали? Да они всех заебали! Будем воевать, так и скажите им! Это однозначно! А мне больше не звоните. Вы с ума сошли, два часа ночи...

Едва из нашей с Дином жизни пропал Ник, последовала новая катастрофа – приехал Вова Синий (слава Богу, без своего великого и не в меру ужасного проекта «Братья по разуму!»). Помнится, он мечтал тогда семплировать ржание лошадей, советовал нам употреблять в песнях поменьше слов и уделять больше внимания мяуканью и мычанию. Пили портвейн, Поэт тушил бычки о линолеум...

Кстати, познакомьтесь – Поэт! В те годы Поэт и Дин еще были друзьями, у них завелась даже некая общая «girl-frend». По крайней мере, когда я встретился с ними, оба играли на одних и тех же площадках, сживали за одним столиком и имели обыкновение затыкать недопитую тару «Тампаксами». Потом у них вышла размолвка, кажется, из-за Родена. Если я ничего не путаю, Поэт заявил тогда: «Да не нравятся мне его картины. Мазня какая-то!» И хотя все собравшиеся пытались как можно доходчивей объяснить ему, что Роден, в общем-то, скульптор – переубедить Поэта не представлялось возможным.

Гнойное небо зажато в кулак –
Мне не о чем здесь жалеть.
Обезумевший рак вползет на Парнас,
Мы научимся с ним исступленно свистеть...

Сейчас это кажется глупостью, но в ту пору мы считали себя некой кастой избранных. Наш маленький мирок казался мне чем-то вроде тайного общества или масонской ложи. Акционерное предприятие закрытого типа «Rock-n-roll is not dead» (хрупкая вещь, как оказалось)!

Наши вечера... Помню оплывшие свечи и ликер из розовых лепестков, разлитый в золоченые чашечки. На вертушке отхаркивается Том Уэйтс, Поэт пускает по кругу «корабль». Моя девушка со странным прозвищем Секунда откладывает вязание, и на моих глазах превращается в холодный мраморный бюст. Она, не мигая, смотрит на Поэта, и говорит, наконец, голосом Марлен Дитрих: «Какой на тебе классный фрак! Откуда он?» (тот, будучи как всегда в застиранной майке, несколько шокирован). Я после двух затяжек вдруг раздуваюсь, словно связка воздушных шаров, и взлетаю над креслом.

– Глюк, тебе тазик не принести?

– Пожалуйста, будь так любезен...

Мы встретились с Поэтом и, соответственно, с Дином, году в 92-м, на музыкально-оформленном дне рождения лидера группы «Отражение» Сергея Кондакова. Жил я тогда в закрытом и совершенно секретном городе N. Мой первый бэнд «BBC» только начинал свой путь к славе и в Е-бурге не выступал. На сейшн тот приехали Глеб Самойлов («Агата Кристи»), директор группы «Ноль» – некая Оля (Чистяков как раз порезал тогда свою любовницу-ведьму и сидел в тюрьме) и еще много кто там тусовался. Я пел, совершенно укуренный, про то, как хорошо на парижском кладбище Пер-Лашез – половину слов, кажется, позабыл. После подошел странный молодой человек, явно тусовочного вида, и поинтересовался: «Скажи честно – ты выпил, что ли?» Я замотал головой. «Ага, ясенько! Наш человек!», – резюмировал тот. Через минуту я, уже познакомившись с Дином и Поэтом, хлебал с ними какую-то гнусь. А еще через час, уборщицы, обходя стороной блюющего на полу Поэта, орал: «Кто-нибудь уберет ЭТО (!) отсюда или нужно милицию вызывать? Панки недорезанные!»

Зря они так – агрессивные, но никогда не преступавшие границ благоразумия, особой опасности для окружающих мы не представляли (жаль, правда, что сами окружающие часто об этом не догадывались). Наши антисоциальные деяния не шли далее драк в рок-клубе или пьяных заплывов через Исеть. Главный по группе «Овод», Сергей Кривоносов, он же Криви, предъявил как-то Дину объяснительную записку, зарегистрированную в N-ом отделении нижнетагильской милиции: «Я, Сергей Кривоносов, выпил с утра двести граммов водки и писал на проспекте Ленина, где был задержан и препровожден в медвытрезвитель».

В общем-то, он довольно легко отделался. Более непредсказуемыми были встречи с представителями охранных ведомств, обслуживающих концерты и рок-фестивали. Одного из наших неформальных идеологов эти горе-секьюрити крушили со словами: «Ну, что, браток, не любишь «Металлику»? Такой вот парадокс, понимаешь».

Глава 3

Нам понадобилось довольно много времени, чтобы осознать удивительную истину: однажды Устрицы научились подражать Лангустам. Они освоили простейшие ритмы танца радости, иные предприимчивые особи даже решили обзавестись парой элегантных усиков. Их примитивное звукоизвлечение, напоминавшее в лучшем случае хилый, прерывистый свист, находило все большее число почитателей, затем вошло в моду, и вскоре никто уже не мог отличить оригинал от неумелого плагиата. И это произошло не вчера...

Меня всегда поражало обилие исторических фактов, противоречащих основам теории эволюционного развития общества. Как могло, например, христианство с его наивной персонификацией Абсолюта, варварски примитивной, притчевой системой изложения главных своих постулатов, проявиться в мире после строгой, аристократически завершенной, желтой пагоды буддийского учения? Или, скажем, какой тайный замысел природы сокрыт во все более возрастающей популярности, наряду с творчеством группы «Вопли Видоплясова», таких явлений современности, как безопасный секс и рекламные паузы?

В эпоху Великой Русской Депрессии все языковые барьеры и перегородочки рухнули под натиском тараторивших без умолку, фарфоровых «Barby-girls». Половина населения научилась «ботать по фене», а в мире зазеркальных салонов и бриллиантовых запонок стало модным употребление выражений, типа: «тусовка» или «прикол», имевших когда-то хождение лишь в сообществе Лангустов. А ведь тусовка была для своего времени явлением уникальным. Здесь встречались поистине редчайшие экземпляры лангустовой субкультуры. Лично я надолго запомнил

свой первый опыт внедрения в эту среду. Вот отрывок коротенького рассказа, написанного мной под впечатлением от одной из подобных вечеринок.

Было совсем уже полночь, мы сидели на корточках и пили портвейн.

– Восторгов мне, восторгов! Всеобщего обожания! Шампанского и поцелуев в корзиночке к Рождеству! – окрыленный первыми признаками богемности и дизентерии поэт прыгал в трусах по заплеванной кухне. Муза, притаившись за дверью, хихикала в кулачок.

– Я попросил бы вас при дамах не вырождаться! – промычал какой-то мрачный субъект, сидевший все время спиной.

– Мир обречен, это ясно. Человечество напоминает мне... детей, чья неумная страсть к познанию заканчивается изувеченными паровозиками, слезами и неизменными обещаниями немедля исправиться. Вся наша наука, прогресс, если хотите, цивилизация представляются мне в виде тех маникюрных ножниц, которыми чик-чик... исследуются внутренности плюшевого медвежонка! Дети... – философ вздохнул, и загрустил у окна.

– А еще Христос говорил: «Будьте как дети!» – панки весело плевали в тарелки и с хохотом носились по этажам. Им удалось сбросить вниз зазевавшийся лифт – это стало темой для осуждения.

– Наша коллективная аура слишком мала для меня, я задыхаюсь. – Тот, Кого Не Приглашали, отправился спать. Художники, собравшись в углу, дружно душили кого-то шарфом. Город валился в неизгладимый и блистательный новый четверг.

Взамен этой веселой суеты Устрицы предложили нам длинные автомобильные эскорты, дорогие люксы и, окруженные телохранителями, толпы жирных, сюсюкающих педерастов. Еще – эксклюзивные выставки и престижные ночные клубы, фестивали и кинопремьеры, куда со всех концов земного шара стекалась эта вонючая слизь, расфасованная по аляповатым сверкающим раковинам. И над каждой жабой мирового значения развивался маленький, незаметный с первого взгляда флажок с коротким и ясно читаемым слоганом: «Жрать!»

Не знаю уж, кто в этом виноват, но после смерти Иосифа Бродского, я не слышал ни одного хорошего стихотворения.

Глава 4

Мы плавали на самом дне. Те, кого не расплющило о гранитную твердь безысходности. Многие так и остались лишь призраками в мире теней. Некоторым везло больше – они успевали подняться к мерцающей пленке поверхности, глотали там капсулы кислорода и снова зарывались в песок. Но были и такие, кто застревали наверху на долгие годы. Они отращивали упругие плавники или учились прямохождению – каждый выживал, как умел.

Чичерина, она же Шейла, появилась в нашем мире, словно некое амёбоподобное, не заслуживающее, на первый взгляд, внимания, существо с писклявым голоском и большими амбициями. Ее можно было встретить тогда где угодно: за столиком кафе архитектурного института («Архибара», как мы его называли), на концертах в «Свинарнике» (рок-клуб «Сфинкс») или просто в коридорах УрГУ. Кажется, наш басист, Майк Решетников, принес кассету с первыми опусами этой золотой рыбки уральского рока. Мы вежливо прослушали... и дружно плюнули в потолок.

Затем был какой-то полуночный, дребезжащий уцелевшими стеклами, трамвайчик. Мы возвращались с очередного концерта, Шейла ехала с нами.

– Дин, тебе барабанщица не нужна?

– Созвонимся...

Интересно, сохранился у Дина тот клочок бумаги, на котором она нацарапала номер своего телефона? У меня же осталась видеозапись нашего выступления в клубе, открытом группой «Смысловые галлюцинации», «J-22», иногда я включаю ее – Шейла радостно скачет перед сценой и пытается подпевать изрядно подвыпившему вокалисту, то есть мне, вырывая из рук микрофон: «Белоснежка умерла, мне никто не сказал об этом...»

Кажется, она пела постоянно. Не прекращала этого занятия, даже собираясь рожать, и как-то на одном из концертов, барабанщик группы «Ясен перец», дядя Мо, радостно сообщил всей тусовке: «А Чичерина арбуз проглотила!». Именно «Смысловые галлюцинации» и их клуб сделали из Шейлы звезду. Там же она встретила первого мужа, басиста «Глюков» Саню Бурого, расцвела и стала напоминать вокалистку «Cranberries» Долорес О'Риордан. Какое-то время мы репетировали на одной точке в подвале клуба «Фауст», а потом началось...

С легкой руки Тутты Ларсен (кажется, это она открыла Шейлу для московских продюсеров) наша хрупкая посланница в мире перламутровых грез отправилась странствовать по фарватеру, несомненно, более просторному, нежели прихотливые изгибы родной Исети. Тогда же «Смысловые галлюцинации» сняли видео на песню «Вечно молодой» и стали, благодаря фильму «Брат-2», мегапопулярными. Когда их «Звезды-3000» засияли на столичном небосводе, я был, честно признаться, рад. С Бубой мы пересекались редко, словно существовали на разных полюсах параллельных вселенных. Но это он пригласил нас выступить у себя в клубе и вообще производил довольно хорошее впечатление. Была в нем какая-то нахальная уверенность, что все в мире движется по известной только ему, нехитрой, в общем-то, схеме.

Единственным, пожалуй, человеком, поддерживающим непосредственную связь с нашими собратьями по электричеству в «московский» период их жизни был Демон. Он несколько лет уже крутился в столице, а ранее проживал на Урале и был знаменит тем, что практически в каждый свой День рождения выбрасывал из окна общаги на Большакова-79 новенький телевизор.

Дима Ефименко – Демон – отлично пел и писал неплохие стихи. Когда я приехал по каким-то делам в златоглавую, он потащил меня в «Литературный салон», где как раз проходил творческий вечер некогда уральского писателя Вячеслава Курицына: бородатый мужик в черном балахоне неистовствовал у раздолбанного рояля. Периодически он выскакивал в бар (где, собственно, большая часть его слушателей и проводила большую часть времени). Слава намахивал пару рюмок и, глядя на нас, обреченно просил: «Пойдемте в зал, сейчас я буду читать из нового сборника». Он представил тогда прелестный рассказец «Как я хотел потрахаться» – я ржал так, что свалился под кресло. Наконец, раздались прощальные аплодисменты, какой-то молодой человек восторженно залепил автору букетом по физиономии...

Бог мой, сколько знакомых людей, сколько совпадений, событий и встреч! Я едва успеваю пожимать протянутые в спешке ладони, и воронка времени с хохотом всасывает меня в свое изъеденное болью нутро.

Мы ночевали на хипповой «вписке» в Питере, где блохи стадами разгуливали среди спящих людей. Доводили пьяный зал до безумия, когда визжащие девочки сбрасывали на заблеваный пол броню неприступности вместе с бюстгальтерами. Пили Кагор в студии Валерия Леонтьева. Я помню себя на фуршете в подвале театра «Сатирикон» и на даче Юрия Энтина. Мы были способны часами бродить по залам «Эрмитажа» в поисках любимых импрессионистов и, замирая, стоять перед мраморной фигуркой «Скорчившегося мальчика» Микеланджело. Этот пыльный архив моей памяти никак не удается разложить аккуратно по полочкам. Воспоминания упрямо топорщатся, норовят вылезти из-под обшарпанных переплетов. Может быть, сейчас мне удастся собрать их, чтобы подарить себе хотя бы краткий миг ощущения целого. Собственно, зачем еще писать подобные книги?

Чаще всего мы встречались на фестивалях. Все, у кого в крови еще бродил электрический заряд мощностью в 220 вольт, а из ушей торчали разноцветные провода со штекерами «Джек-Джек». Мы знали, по крайней мере, многие догадывались, что мы всего лишь заполняем паузу между песнями, что музыка к середине 90-х еще не кончилась – нужно просто «заменить батарейки».

– Вас еще не заебал этот ебаный «Викинг»? – орал с крыши гостиницы, где была установлена сцена, пьяный в зюю Далингер, таким вот неординарным способом озвучивая рекламу пивных спонсоров фестиваля «Rock-Line» (Пермь-Кунгур). Когда он вместе с Криви задумал создать в своем родном Тагиле проект «Остальное наличными», «Роллинги» в Лондоне ощутили довольно-таки приличный пинок под зад. Этот бульдозер раскатывал в лепешку любой зал, остановить его могла разве что небольшая бомбочка с ядерной начинкой внутри. Их барабанщик Солоха, например, в одиночку преграждал путь ночному троллейбусу. Арчи и Далингер вполне успешно боролись за чистоту жанра сразу с шестью гоблинами средних размеров. Они были даже хуже «Sex Pistols» (хотя играли не в пример лучше)!

– Это твое место под солнцем! Под этим ебаным солнцем! – пели они.

Как-то, на совместном концерте со «Смысловыми галлюцинациями», Далингер с Бубой учинили настоящее побоище. Кто-то из зала, призывая на сцену любимых «Наличных», весьма невежливо оплевал Бобунца (в буквальном смысле) и его бессмертные песенки. Буба среагировал мгновенно – гитара полетела в лицо обидчику, сам лидер «Глюков» оказался среди толпы зрителей, молотя кулаками подобно ветряной мельнице. К нему присоединился Далингер с микрофонной стойкой в руках. Прибежали менты. В общем, все как всегда...

Нижнетагильский фест «Живой звук» собирался достаточно регулярно с 1992 года, и мы были его ветеранами. Именно там приобрел скандальную популярность Дин, когда, обидевшись на кого-то из публики, брякнул в микрофон: «Да идите вы на хуй!». Серега Капралов, лидер группы «Полтергейст», вступая со сломанной рукой, отгреб от жюри приз как лучший соло-гитарист. В коридорах гостиницы, где тусовалось наше многочисленное пьяное стадо, девочка Лиза с искусствоведческого факультета УрГУ простодушно угощала всех травкой (черт, у нее там, наверное, стакана два было, не меньше!), а наш гитарист, Леня Водолазкин, отправленный в ночь с последними общественными сбережениями за пачкой сигарет, возвращался под утро злой, с двумя бутылками водки и блоком «Marlboro». Это было то счастливое время, когда знаменитый лозунг «Sex, drugs and rock-n-roll» имел для нас совершенно конкретное значение и ежедневно осуществлялся на практике.

Помимо Тагила и Перми, фестивали проводил также Е-бург. Мы чаще всего игнорировали разнообразные «Урал-роки», хотя «BBC» регулярно попадали в список финалистов, зато с удовольствием играли на менее официозных сейшнах.

Говорят, «Рок-аккустику» придумала Ольга Арефьева, еще до того как обессмертила свое имя спев на всю страну строки: «Нахрена нам война, пошла она на...». Поэту и Дину посчастливилось выступать на первых фестивалях, мы же застали закат этого мини-Вудстока. Как раз тогда состоялось легендарное «соло для спецназа»: в разгар веселья к директору ДК Железнодорожников подвалил какой-то лейтенант и поинтересовался, не напрягают ли, дескать, ее наши немытые хаера? Та поплакалась на нелегкую жизнь среди наркомов – нас, то есть. И уже через полчаса очаг культуры стал напоминать место съемок какого-нибудь крутого боевика. Музыкантов вытолкали со сцены, Макса Ильина из «Собак Качалова» увели куда-то со скрученными руками, и все отправились музицировать под строившийся неподалеку мост.

Третий день «аккустики» спас древний хиппи Дик: фестиваль, с его легкой руки, мгновенно переехал в еще не открывшийся к тому времени «Свинарник». Он запомнился хорошей музыкой, и не только. Забавно было наблюдать, как местные пацифисты накуривают марихуаной попавшегося под горячую руку кота, а пьяный Поэт исполняет на столиках кафе свой унылый стриптиз. Потом мы, всё же, вернулись к невзлюбившему нас ДК, взобрались всей толпой на закопченный хребет паровоза, служившего памятником былой славы железнодорожников, и хором проорали на новый лад незабвенные строки Б.Г.: «Этот поезд в говне, и нам некуда больше срать!» В итоге я оттуда упал и чуть не сломал себе шею...

Часть 2

Глава 1

Екатеринбург середины 90-х открывался для меня словно таинственный, исчерченный иероглифами, манускрипт: высохший пергамент трещит, готовый рассыпаться в прах, от него исходят тончайшие ароматы каких-то восточных благовоний, секрет изготовления которых давно утерян.

Я бродил по улицам без названий и вдыхал полной грудью воздух, в котором носились отголоски легенд и событий, значимых для меня не меньше, чем открытие памятников неизвестной цивилизации для какого-нибудь рассеянного археолога: вот стены, которые расписывал старик Букашкин, рядом, в университетской столовке когда-то выступали Цой и Майк Науменко, в «Архе» учились Бутусов, Белкин, Настя Полева... Квартиру, где живет теперь Дин, раньше занимал саксофонист «Наутилуса» Алексей Могилевский. В общежитии на Большакова-79 жил Башлачев, туда в поисках его легендарной комнаты-боковушки приходили Шевчук и Бутусов.

Тогда, глухой декабрьской ночью, они круто выпили с Дином. Шеф полез драться: «А ты в батьку нашего, Иисуса Христа, веруешь?» Потом нашел более достойного соперника – пошел гасить

ногами выключатели в коридоре (периодически падал и матюгался). Он плакал и пел, кажется, «Что такое осень?», рассказывал, что сочинил эту песню, гуляя по кладбищу. Но стоило Дину затянуть что-то из своего репертуара («Эй, королевская рать, ваша серая масть служит символом нашей тоски!») грубо оборвал его: «Не, парень, не пойдет. Нам второй Саш-Баш не нужен».

Нимб вокруг головы лидера «ДДТ» уже не вмещался в «трёшку» студенческого общежития, и полуночных гостей радостно погрузили в такси. Бравый капитан «Наутилуса», спускаясь с лестницы, ухнул в пролет и долго пугал всех спокойно-созерцательным выражением своего слегка побледневшего лица.

– Извините, кажется, я у вас тут сознание потерял...

Дин знакомил меня не только с Екатеринбургом. Мы сошлись в тот черный период, когда Секунда, наконец, решила сменить имидж девочки-хиппи на халат врача, и я явно выпадал из ее планов, просчитанных лет на десять вперед. Вместе с ней из моей жизни ушли, казалось, лучшие воспоминания. Музыка потеряла свою удивительную магическую силу. Я разваливался и стремительно деградировал в какое-то обиженное жизнью ископаемое.

Дин же, наоборот, был весел, поскольку только что приобрел в собственность просторную трехкомнатную квартиру и двухспальный сексодром. Недолго думая, он взялся за исцеление спятившего от спермотоксикоза пациента и первое, что предпринял, согласуясь со своим представлением о врачевании, повез меня в незабвенную общагу на Большакова.

Довольно скоро я обнаружил, что большинство особей противоположного пола, проживающих там, отличаются от уже известных мне стандартов как коллекционный фендер-стратокастер пятьдесят седьмого года издания от последних разработок фирмы «Урал» (но у некоторых все же была грудь!). Мы уезжали на Большакова часам к шести вечера и редко возвращались домой без улова: брюнетки, блондинки, еще лесбиянки какие-то...

– У тебя такая мощная энергетика, просто крышу сносит! Давай, я зайду к тебе завтра после концерта!

И ведь действительно, приходили. Их трусики долгое время служили чудным украшением диновской ванной.

Впрочем, случались в нашей жизни и менее привлекательные вещи. Раз, по дороге домой, Дина остановили несколько яйцеголовых ублюдков и, размахивая «розочкой», вежливо попросили закурить. В ответ Дин с энтузиазмом православного мученика задрал на животе маечку и получил несколько замечательных, глубоких порезов. Самое смешное заключается в том, что через две недели ситуация повторилась со всеми вытекающими (в прямом смысле) подробностями. Необходимая для выживания доля здравого смысла никогда не была лучшей чертой моего друга.

Поскольку, по роду своей профессиональной деятельности Дину приходилось много писать (он учился тогда на заочке журфака), пишущая машинка в его доме занимала почетное место – в центре стола. Она была старая, с западавшими время от времени клавишами, но мы ухитрились как-то распечатывать на ней не только курсовые работы, а и многочисленные стихи, тексты песен и даже поэтические посвящения друг другу, которые торжественно складывались в отдельную папку. После чего неизменно покупалось от полутора до десяти литров пива, и начинался пир на манер римских патрициев.

Мы вели достаточно богемный образ жизни, при этом успели несколько раз залить квартиру кипятком из батарей центрального отопления и сломать пару смесителей для душа, поскольку пользовались ими в состоянии близком к нирване.

– Глюк, ты что там читаешь с таким умным видом?

– Бадлэра...

Под конец моего пребывания в этом сумасшедшем доме имени Дина, мы решили, что вполне созрели для совместной работы и записали альбом «ГлюкоДин». Дело обычно происходило следующим образом: я сбежал с очередного зачета в УРГУ, пинками выгонял похмельного соавтора из постели и включал аппаратуру. Соавтор работать именно сегодня почему-то никак не желал, бурчал и жаловался на отсутствие истинных ценителей творчества Федерико Гарсия Лорки. Затем, все же, я заставлял Дина выдавить из пересохшего горла несколько фальшивых нот и быстренько записывал под гитару собственную вещь, чтобы успеть еще на лекцию профессора Зайцева «История джаза».

Самое замечательное событие в моей жизни также произошло здесь, на Викулова-42. Случилось так, что однажды проснувшись, Дин обнаружил себя вдруг постаревшим на год и мы немедленно отправились в магазин за тортом и водярой, а затем в общагу за девочками. Однако, на сей раз ничего достойного нашего внимания на Большакова обнаружено не было, и мы повернули

назад, предвкушая ужасы унылой попойки в компании с Поэтом и другими циничными знаменитостями. Но... у дверей квартиры нас ждали три блондинистые герлы, при виде которых у Дина из горла вырвался какой-то орлиный, прямо-таки, клетот. Вернулась Ольга, подруга Дина, совсем еще недавно решившая вести жизнь самостоятельную, отдельную от Дина и его придурковатых друзей. А с ней явилось подкрепление в виде подруг – видимо, прекрасных и умных.

Мы быстренько напихали в зад жареным уткам кислых яблок и включили альбом Ника Кейва «Good son». Гостей на Дне рождения было человек двадцать из старой журналисткой тусовки. Они пели белогвардейские песни и били посуду. Я же, уединившись с понравившейся мне девушкой по имени Лена, начал ненавязчиво (мне казалось!) к ней приставать. Мы открыли балкон: шел дождь, она долго искала потом в темноте свою кофточку. Через год мы поженились, у нас растет замечательный сын...

Глава 2

Однажды наши песни исчезли из всех радио-эфиров. Очнувшись слишком поздно, мы ползали в темноте, в кровь раздирали слипшиеся глаза. На смену нам уже спешили оголтелые поколения «экстази», а мы все еще барахтались и пытались что-то сказать. Но языка Лангустов не помнил никто, время остановило свой ход в черном секторе, шарик застрял на «zero». Великую грусть сменила кокетливая депрессуха, пришла пора пустячков и неназойливой музыки.

Но прочь, прочь от этих посиневших губ, пережевывающих очередную хитяру от Макса Фадеева, прочь от галлюцинирующих подростков и их развеселеньких рейв-пати! Я расскажу вам о залитом солнцем дворе, где между двух кленов натянута прогнившая волейбольная сетка, где по вечерам раздаются сухие щелчки костяшек домино, где я вижу себя до сих пор разучивающим аккорд «ля-минор».

Мы были знакомы, кажется, лет с двенадцати. Я показывал Старому, как настраивается гитара, где зажимать струны, чтобы они не дребезжали. Потом появился Рыжий, и нас стало трое, потом пятеро... Они, пожалуй, были единственными в мире людьми, кто понимал меня до конца, и шли за мной, не оглядываясь. Через десять лет наше братство распалось, но даже тогда, в самые страшные для нас времена, я вспоминал о друзьях с благодарностью.

Мы часами могли висеть на телефоне, обсуждая гармонии новых песен, затаив дыхание вслушивались в парящие аккорды «Pink Floyd» и безбашенное «Yeh, Yeh, Yeh...!» Леннона и Маккартни. Вместе мы сочинили немало хороших песен и сыграли их так, как после нас этого не сделает никто другой.

Тогда мы работали в школе, сторожили ее пустующие по ночам коридоры и репетировали в спортзале. Сюда приходили наши поклонницы, здесь я услышал внутри себя музыку, о которой грущу до сих пор. Помню, на какой-то миг я погрузился в зыбкий мир галлюциногенов и вызвал из мрака «Того, кого вообще не следует никогда приглашать». Шаги раздавались все ближе... Я вовремя открыл глаза и увидел перед собой перепуганные лица моих парней.

– Ах, это вы друзья мои? А я здесь встретиться желал бы с Сатаной! – только и смог вымолвить я.

– Пошел ты... Сволочь! Айда, Старый, домой, какая ж теперь репа!

Ночные концерты сводили с ума жильцов близлежащих кварталов. У нас тусовалась половина рокеров города N. Мы заканчивали репетиции гимном СССР и устраивали джем-сейшн. Играли все, кто оказывался у нас в гостях. Андрюха Коскин, ударник группы «Полтергейст» засыпал на барабанах...

Он много пил в последние дни, кочевал по квартирам знакомых, стал не нужен даже своим друзьям-музыкантам. Когда я вернулся из очередных гастролей в Москве, жена, пряча глаза, сказала мне, что его больше нет. Косыч повесился в деревне, по улицам которой рассекал когда-то на своем безумном «Урале» в рогатой каске времен Второй Мировой Войны.

Барабанщики – вообще сложный и одновременно удивительный народ. Когда в нашу дикую дивизию пришел Камень, я прыгал, наверное, до потолка. Его имя (как и название группы, где он играл, «Отражение») значилось во всех отечественных рок-энциклопедиях, он дружил с Евгением Хавтаном из «Браво» и выступал на одной сцене с Бутусовым и Майком Науменко. Его приход был знаком того, что мы достигли нового этапа в своей биографии. Именно Камень научил нас правильной аранжировке и безудержному драйву.

В Москве, на студии Саши Воронина (еще одна нелепая смерть – удар электрическим током) Камень был единственным из нас, кто не собирался бросать запись, когда на неделю завис компьютер и сломался магнитофон. Я засыпал на крышке рояля и слышал, как он выстукивает пилотный трек к «Цветению папоротника».

Как-то, вернувшись без ключей в квартиру, которую мы снимали в столице во время записи, Камень попросил у соседа телефон, чтобы позвонить нам на студию. Получив же отказ, он не придумал ничего остроумнее, как поджечь тому дверной глазок. Утром я имел удовольствие объясняться с рассвирепевшей от этакой наглости довольно крупной гориллой кавказской национальности:

– Гдэ тут у вас... такой малэнький и волосатый?

Камень был нашим талисманом, Старшим братом, нашим Ринго «мозоли на пальцах»! Он мог сутками рассказывать о гастролях в Германии и в заснеженном городе Мирном (гостеприимная мафия, вагоны водки и шашлыка!). С ним постоянно происходили какие-то забавные вещи. Он засыпал в детской песочнице под раскрытым зонтом, не дойдя до дома буквально пятнадцати метров. Колотил ночники в гостинице, страдая от неразделенной любви к окружающему миру. Один раз он позвонил в психушку, и жалобно попросил дежурную медсестру: «Девушка, заберите меня, пожалуйста! Я с ума сошел...» С Жанной Агузаровой они на спор мерились талиями при помощи ремешка, и Камень был горд тем, что «оказался толще всего на одну дырочку». Когда на десятилетии «Наутилуса» в Горбушке у него сломалась педаль, весь зал ждал, скандируя в течение пяти минут: «Саша! Саша!». И еще он писал талантливые, смешные и немного грустные стихи.

Какой-то старый стал я и невнятный,
И песни, что пою – мне непонятны.
В полнеба вечер, в полонна Луна.
Вот только жаль, что нет в стене окна...
Иду во двор: на пьедестале пня
Стоит сосна и смотрит на меня.

Когда же это я впервые стал замечать? Свою усталость и раздражение? Фестивали начали казаться мне сборищем моральных уродов, встречающихся раз в год лишь затем, чтобы выпить за упокой души ушедших кумиров юности. Осточертели студии, где все и всегда было не так: звук «гулял», мониторы хрипели. На концертах я выдыхался и уже не выдерживал безумного темпа, а Камень продолжал гнать нашу машину все дальше...

Короче, я устал. От себя, от друзей, от этого гребаного рок-н-ролла! А с таким настроением выходить на сцену не рекомендуется – это я понимал. Лучшее, что можно было сделать – уйти. Я и ушел.

Потом умер наш басист Женька Щетинин, и никто уже не собирался «начинать с нуля». Старый раскручивал свой проект «Вруцелето», они выиграли какой-то «Спрайт-марафон» и рванули в Москву. Поэт уехал туда годом раньше, Криви с Солохой двинули во Владивосток, Дин распустил свою группу. Время летело черт знает куда, ничего нового ему мы сказать не могли...

Впрочем, это еще не конец повествования. Это лишь лирическое отступление от музыки и наивной веры в то, что мир вращается со скоростью 33 1/3.

Глава 3

Хотите, я расскажу вам про Питер? Не хотите? Но я все равно расскажу, потому что я с самого начала собирался это сделать.

Мы поехали туда, десять суровых парней с Урала. Не зная толком, где будем жить и в каких клубах играть. Человек с той стороны, вызвавшийся «все нам устроить», провалил мероприятие к чертовой матери. Он даже не соизволил встретить нас на вокзале, и мы, словно сорвавшиеся с цепи, гуляли по предрассветным улицам Питера, сопровождаемые звонками первых трамваев.

С нами были Криви и Шнур (наш, уральский, а не С. Шнуров из «Ленинграда»). Оба замещали временные вакансии гитаристов, потому как Старый неожиданно остался устраивать свои личные дела, в группе у Дина были такие же проблемы – поэтому поехал Криви.

Помню, мы свернули на Рубинштейна и долго любовались афишами, где динов «Полдень» отчего-то значился, а мы нет! Криви предложил купить пива, и таким манером мы добрались до набережной. Была ранняя осень, я испытывал легкое головокружение от всего происходящего, вспоминал свой первый приезд сюда и обещание вернуться, которое тогда дал. И вот, я вернулся!

Оказалось, что жить нам, в сущности, нигде, и этот вопрос следовало решать безотлагательно. Первый клуб, где мы могли выступить, открывался лишь через неделю. У всех сразу же возникло желание сбросить нашего «тур-менеджера» за ноги с Аничкина моста, но мы удержались (хотя Шнур чрезвычайно на этой мере настаивал).

Впрочем, мир, как говорится, не без добрых людей – у Казанского собора нас взял на буксир один из последних реальных хиппи, некто Летучий Голландец. Он подкинул пару адресов, где можно было «вписаться» хотя бы на одну ночь. Знаменитый «Перекресток» – однозвездный отель «У Айка» (ужин из своих продуктов, обязательные гигиенические процедуры, не трахаться, не пить, в десять утра – все вон!) стал нашим пристанищем в первые дни.

Счастливые обладатели рекомендательных писем к Митькам (к Митькам, елы-палы!), мы пробовали связаться и с ними, но вместо радушного приема получили весьма выразительную отповедь от двух задрипанных герлов, на которых в менее отчаянные времена ни я, ни Дин даже бы не взглянули:

– Надо было больше денег с собой брать, устроились бы в гостинице!

– А куда вы, спрашивается, ехали? Это же Санкт-Петербург!!!

Получив столь исчерпывающую информацию о месте своего пребывания, мы снова медленно и печально двинулись к Айку. Но на сей раз, покой наш был нарушен вторжением некоего уroda, мгновенно классифицированного специалистами как «скинхед обыкновенный». Он долго куражился, сидя на кухне, орал: «Какие тут собрались, – типа, – насекомые!» и «Я хочу, наконец, почувствовать удар!» пока Дин едва не удовлетворил его горячее желание, и, к радости всей вписки, «скин» мрачно не укувылял куда-то в ночь. Отныне мы стали настоящими героями «Перекрестка».

Шнур и барабанщику Богдану по части ночлега повезло еще меньше. Мы отправили их в странную семью старообрядцев с археологическими заскоками. Там можно было бесплатно поглядеть на голых теток, приготовляющих завтраки, и получить по башке за несанкционированное использование расписных деревянных ложек:

– Ты куда ее, сука, в чай пихаешь?! С нее же вся хохлома слезет!

Наш моральный дух медленно падал. Камень начал гундеть и жаловаться на свои «ужасных размеров» волдыри на пятках. Нужно было возвращаться домой... Но, как это, в общем, нечасто случается, нам повезло! На третий день скитаний мы обрели, наконец, жилье.

Художники-конструктивисты, именующие себя «Речниками», согласились приютить бездомных рокеров в своих мастерских. Это было совершенно уникальное место (говорят, там бывал Есенин в свой последний, ставший роковым, приезд).

В огромной пятикомнатной коммуналке, единственной обитаемой площади в приготовленном под снос или реставрацию доме, валялись горы исковерканного железа, повсюду были развешаны какие-то дикие фотографии и картины, над диваном пестрела маскировочная сеть, а в бывшем камине кто-то устроил «высоко-художественный» коллаж из черепов, монтажной пены и детских игрушек. Вдобавок ко всему, на люстре болтался спасательный круг, гудел монитор компьютера... И был еще в этой чудной квартирке музыкальный центр с двумя потрепанными колонками (дурдом!). Мы радовались как дети, смотрели по видею «Последнее искушение Христа» Скорцезе, варили китайскую лапшу и строили планы на будущее.

Вторым приятным сюрпризом оказалось знакомство с президентом Питерского рок-клуба Колей Михайловым. Узнав про наши беды, он немедленно пригласил нас поиграть в экс-Мекке отечественного рок-н-ролла («для специально приглашенных гостей!», – загадочно пояснил он). Мы уже пытались прорваться на Рубинштейна-13 и раньше, но никого из дирекции тогда не застали и Камень жутко нервничал по этому поводу: «Рок-н-ролл мертв, помойте стены!», – кричал он растерянному секьюрити, указуя на граффити «Цой-жив!».

Итак, пока у нас была уйма свободного времени. Мы бродили по Эрмитажу, в Петропавловской крепости хохотали над нелепой фигурой шемякинского Петра, обошли, кажется, все музыкальные магазины вдоль и поперек. На счастье, с нами была видеокамера и теперь, когда мне хочется заново пережить мгновения той ослепительной осени, я включаю запись.

- Так, сегодня у нас лапша. Как обычно... Пошла лапшичка, пошла!

- А вот здесь живут «Речники». Это такие специальные люди, которые занимаются ремонтом мостов через Неву. А это... Наверное, это бюст первого «нового русского», который заказал такой мост себе в офис.

Солнце стекало по куполам Исаакиевского собора, атланты хмурились из-под гранитных фронтонов, время тянулось медленно – за ним строго следили пушки Петропавловской крепости...

Глава 4

Я не помню, когда он впервые появился среди нас. Слово он был всегда. Просто однажды я пришел на репетицию, и Старый представил мне нового басиста: «Щетинин... Женька». Кажется, я видел его раньше – он гонял с нами на один из фестивалей или играл с Камнем в «Отражении». Мне понравилась его устойчивая, цепкая манера – бас вколачивал в мозги даже не ноты, а гвозди какие-то. Потом выяснилось, что он успел поиграть также и со Шнуром в «Чадо», а это почти наверняка означало – парень неравнодушен к траве.

– Женька, я тебя уже пол-часа, блин, вызваниваю. Забыл, у нас репетиция!

– А я где?..

Легендарный концерт 97 года в городе N, после которого толпу разъяренных гоблинов едва ли не пришлось давить бронетехникой, я помню отчетливо («Бей панков!»). Щетинин выходит на крылечко ДК, вскидывает на плечо кофр со своим верным «Джаз-басом» и спокойненько спускается вниз по лестнице.

– Щеткин, ты с ума сошел! Куда ты?

– Домой.

Вижу, как Женька раздвигает беснующееся стадо, словно атомный ледокол. Его длиннющий хаер полощется на ветру – этакое рок-н-рольное знамя... И его не тронули. Хотя тут же, рядом, запросто выхлестывали зубы и ломали носы гораздо менее волосатым музыкантам.

С ним постоянно водили знакомство какие-то неформальные художники. Пили они за обсуждением очередного шедевра до посинения, потом Женька подсел, видимо, на героин. Когда мы поехали в Питер, он жаловался на зубную боль, но к врачу идти не хотел. Через год у него обнаружили саркому. Старый лихорадочно искал какие-то новые лекарства, летал за ними в Москву... Я к тому времени отсутствовал уже около года, и хотя знал обо всем, что происходит с Женькой, видеть его в таком состоянии не хотел. Похоронили его без меня.

И все-таки видео – мистическая штука! Я никак не могу разгадать тайну этой пластиковой коробки. Казалось бы, нет человека, и... он есть – стоит лишь протянуть руку и щелкнуть кнопкой пульта. Вот же он – живой и веселый! Стоит на сцене питерского клуба, глушит бас и хитро посматривает сквозь свои неизменные стеклышки, словно говоря: «А забавно с вами было, ей богу!»

Мы тогда долго бродили где-то на окраинах города, искали «Лесопилку» – этот, как оказалось, не самый лучший в Питере клуб. Переругались все... «Полдень» отыграл еще более-менее: Дин шаманил, Криви «летал» на своей жужжалке, Майк Решетников очаровывал женскую половину зала. У Олежки Румянцева рот всегда до ушей, даже если группа лагает. Вроде ничего особенного: ну, ошибся я – так я всегда в этом аккорде путаюсь. Солист слова забыл? Да что вы, он никогда их и не помнил, толком-то!..

О нашем же выступлении я имел обыкновение рассказывать своим друзьям в таком вот приблизительно стиле:

– Ну, когда «ВВС» вышли – бардак начался натуральный! Шнур всего за неделю партии Старого снял, ничего не соображает, пугается. Я ему «соль-мажор» кричу, а он соло наворачивает. Криви тогда так обрадовался: «Оч-чень оригинальное соло получилось, – говорит. – Свежо!» А тут еще из зала мужик пьяный орет: «Харду давай!»

В общем, отыграли, пивка попили – поехали на Рубинштейна. Приходим туда, ё-моё! Аппарат настроен, стол накрыт, сидят там Олег Гаркуша, Сологубы разные... Короче, свадьба у них образовалась какая-то. Ну и понеслось! Шнур свои песенки со Щеткиным и Камнем отыграл втихую – типа, «unplugged». Эти, за столом, аж взвыли: «Откуда приехали, братаны! Да у нас тут полный отстой играют. Вот оно, живое-то!» Потом «Полдники» на сцену полезли. Тут уже весь клуб слезами облился – пьяный Криви им такого наиграл («Led Zeppelin», блин)! Гаркуша полез адреса собирать, фотографировались с ним на радостях. Он Камня в сортире увидал: «Ура, Саня! Сколько лет, сколько зим! Ты откуда тут в наших краях?».

А меня тогда петь не поперло. Михайлов все беспокоился, что менты сейчас приедут и всю нашу лавочку прикроют – это у него по старым временам ностальгия, я так понял. Короче, обмуслякали нас деды питерские, обняли на дорожку. Двинулись мы к дому, смотрим – мужик на тачке тормозит. Из окошка высовывается и орет: «Харду давай!» – мистика.

Питерское небо. Наверное я сейчас себе это просто придумываю, но никогда раньше (может быть только среди развалин Лениначана, где мне случилось нести службу) я не видел такого странного, нереального неба. Я не узнавал созвездий, я пялился на них, точно видел впервые.

Мост бесшумно ползет вверх, мы, замерев, слушаем, как сыплется с него накопленный за день мусор, какая-то проволока... Вот и все.

Глава 5

Впрочем, нет – не все еще! Однажды утром в квартире на Викулова раздался звонок.

– Хэлло! Май нэйм из Мэриан. Ай эм фром Холланд.

Дин с бодуна, и это отнюдь не располагает его к общению с иностранцами.

– Х-х-х-ера тебе здесь надо, Мэриан? Ладно, извини. Добро пожаловать в Россию.

Этот визит – последний отголосок наших питерских походов. Те люди, что помогли найти нам жилье, попросили как-то сыграть концерт для своих друзей. Две симпатичные сестрички Саша и Стеша, дочери профессора Кулаева (кажется, они занимались изданием антифашистской газеты «Тумбалалайка»), пригласили к себе домой журналистов. Мы подошли вовремя, не спеша настроили инструменты...

Этот квартирник остался лучшим воспоминанием о Питере, заключительным аккордом нашей Одиссеи. Криви, зная страсть хозяина дома к творчеству Александра Вертинского, усаживается за фортепьяно и...

Мальчик смотрит – белый пароходик

Исчезает вдаль за горизонтом...

Шнур на бис исполняет свою извращенно-сексуальную «Ты – кошка», девушки разносят мороженное, мы греемся в лучах нежданной славы.

У Кулаевых постоянно гостят иностранцы. В тот приезд мы застали двух фройляйн из берлинского университета, и еще там жил голландец по имени Боб. Позже я навещал их, сестры были в отъезде (Саша вышла замуж за какого-то француза, Стеша стала супругой Боба. Или наоборот?..). Я застал старика в добром здравии и, что интересно, в его квартире обитал теперь некто Йохан – студент из Баварии. А тогда мы довольно весело пообщались и вот – Боб попросил Дина приютить эту самую... фром Холланд.

Мэриан оказалась милой, но ни черта не понимающей в суровых законах российской действительности, девчонкой. Она постоянно пыталась проникнуть на разные экстремальные производства закрытого типа, но Дин, уже устав объяснять ей причины, по которым делать этого не следует, страшно тарасил глаза и твердил лишь одно слово: «KGB!»

Мы познакомились в скверике перед УрГУ. Мэриан, глядя на памятник Свердлову, спросила – на фига, мол, отгрохали этокое страшилище, кто таков? Вдаваться в подробности отечественной истории было внапряг, и я указал ей на надпись, сделанную на боку монумента местными анархистами: «Убийца».

– По-вашему значит – «Killer», – пояснил я.

О, как она обрадовалась, эта наивная голландская девочка – надо же, в России ставят памятники в честь киллеров, забавно!

Потом они с Дином уехали в Аркаим – археологический комплекс, где творились всякие мистические штуки. Во время этой поездки Мэриан трижды арестовывали за несоблюдение визового режима. К тому же, эта барышня жутко увлекалась травой, что, впрочем, вполне объяснимо, если вспомнить все прелести голландского законодательства.

Наконец, Криви познакомил ее со своим басистом Андрюхой Гусевым, и тот отправился провожать северную гостью во Владивосток. Оттуда ей предстояло вскоре отплыть в Новую Зеландию или Австралию, не помню уже. Впоследствии она прислала по интернету коротенькое сообщение: «Мне очень не хватает здесь русской водки и моих русских друзей!» Как трогательно...

А Гусев остался во Владике. Туда же через полгода эмигрировали остальные «Оводы»: Солоха и Криви. Им пришлось там, в общем, по-кайфу. Криви стал лучшим гитаристом побережья, Солоха играл в каком-то военном оркестре. Через несколько месяцев мы узнали, что они работают с бывшей бэк-вокалисткой «Мумий Тролля» Олесей Ляшенко над ее сольным проектом. Группа гастролировала по Японии, а затем произошло невероятное – Криви вдруг взял и ушел в монастырь (просто заявился на очередную репу и сообщил эту новость коллегам – представляете их радость?). С ним несколько раз общались наши общие друзья, оказавшиеся на Дальнем Востоке, и даже сняли документальный фильм. Наверное, он и сейчас проживает в какой-нибудь келье на острове Русский, замаливает грехи рок-н-рольной своей юности.

Изгибы линии жизни, переплетения судеб – мы и не подозревали, что в скором времени все наши озарения и триумфы покажутся такими мелкими. Что даже самые близкие друзья будут удивленно посматривать на копошащихся, лысеющих аутсайдеров: «А ты, что же – до сих пор не звезда?» Когда я ушел из группы, время потекло в обратную сторону. Я обнаружил вдруг, что в мире есть множество интересных вещей, не связанных с музыкой. Правда и раньше, разозлившись на кого-нибудь, вроде Старого, я грозился послать все подальше – готовый аргумент был под рукой: «Уеду, к чертовой матери, насовсем в Е-бург. Буду стихи писать!» Однажды так и случилось.

По своей привычке не отделять текст от гармонии, я и не представлял, что написание простого стихотворения может быть сопряжено с таким внутренним кайфом. Этому волшебству меня научил Поэт. Помню, как, впервые очутившись у него в гостях, я был совершенно сбит с толку: музыкант писал не тексты песен, а стихи и... складывал их аккуратной стопкой на шкаф. Впрочем, песни его мне тоже нравились.

Я сокол, сорвавшийся ввысь
С потоком веселого ветра,
Я – пьяный кленовый лист,
Сбежавший на ночь из гетто.

С ним никогда не было скучно. Не было и легко. Постоянно чувствовалось, что человек по жизни находится в разладе не только с действительностью, но и с самим собой. Все эти выходки... Салат, летящий в стену... Один раз я, не сдержавшись, залепил ему пощечину. Не от какой-то обиды, просто мне надоело пестовать его неврастению. Потом он уехал в Москву...

Вода становится мутной
От пота животных
В нее погрузившихся
До бесконечности.
Счастлив я
Тоской по тебе...

Случалось, он забегал за мной в Универ и вытаскивал прямо с лекции. Мы бродили по парку просто так, без всякой цели, говорили о музыке и пинали пожухлую листву. Спать он ложился не раньше четырех утра и, если я оказывался его гостем, то пропущенная пара была гарантирована.

– Алле, проснись! Пиво будешь?

– А как же!

Увидев его на сцене, я испытал некоторый шок. Мы все когда-то прошли через увлечение музыкой «The Doors» и посмотрели одноименный фильм Оливера Стоуна. Даже Дин, помнится, разгуливал по общаге, завернувшись в простыню и громко вопрошал мигавшую лампочку: «Я царь? Нет, ты скажи, блин! Готова ли ты умереть за меня?» Поэт же без всяких простыней ходил на Джима. Еще там Ник Кейв, что ли?.. Как-то я даже отказался выйти на сцену после его выступления. Руки тряслись, Камень едва успевал подносить мне зажжённые сигареты.

В конце концов, прошло и это очарование. Расставаться – больно. Поэт дал мне многое из того, что я умею. И все же – прощай! Певец городских окраин и портвейновой свободы, благодаря тебе я начал писать стихи, и это единственное, что еще способно примирить меня с твоим миром.

Часть 3

Пролог

– Никогда я не дрался с Шевчуком, что ты выдумываешь! И Бутусов не в пролет упал, а с крыльца. Если уж взялся писать, так хоть спроси, как было на самом деле. Вот когда Чичерина пьяная на «Урал-роке» юбку в трусы запихала и так ходила – это правда. Почему ж ты не пишешь?

Вот такой примерно и была реакция Дина на первую часть моих воспоминаний. Я не стал объяснять ему, что литература и жизнь – вещи, имеющие, на мой взгляд, довольно мало точек соприкосновения, и что в моей интерпретации зауряднейшая попойка с Шевчуком выглядит куда более веселой. Не важно...

Я понял, что тема требует продолжения. К тому же, далеко не все события последних десяти лет ушедшего века смогли комфортно разместиться на страницах первой рукописи. А значит, нужно продолжить и, по возможности, углубить мои археологические раскопки на чердаке памяти.

Я с удовольствием возьму вас с собой – всех, кто, просыпаясь, бьет в барабан и орет: «Рок-н-ролл жив, мать его!..» Врубайте «Металлику» и тащитесь.

Глава 1

– Я ее трахаю, а она спрашивает: «Ник, за что ты не любишь Летова?» – вот сука!

Коля всегда поражал меня неспособностью врубаться в простые, в общем-то, вещи. Он с совершенным доверием относился к девчонкам с журфака, будто не подозревая, что лет через пять из них вырастут столь ненавистные ему журналисты.

В середине 90-х «ВВС» переживали пик своей популярности. «Свинарник» украсился моим портретом с автографами фанов. Дин собирал первый состав «Полдня» и снимался на телевидении. Бандиты взрывали мерседесы, жизнь была прекрасна. Мы жили надеждой, что вот скоро уже появится на горизонте наш персональный Брайан Эпштейн и все Устрицы сдохнут под натиском рок-н-ролла, помноженного на мегабаксы.

Ник не ждал ничего, сжигал себя стихами и спиртом. Он приезжал откуда-то из Магадана, Тюмени, Москвы. В его рюкзаке медленно оттаивала красная рыба, купюры пачками торчали из кармана плаща (о, этот зеленый пуховик – мы заклеивали дыры на нем лентами скотча!). А через месяц Коля был уже гол, как сокол, вся тусовка носилась по «впискам», пытаясь пристроить ветерана отечественного рока куда-нибудь заночевать. Деньги на обратный билет до Тюмени или Москвы собирали всем миром.

Однажды он, со слезами на глазах, буквально выпросил у меня последнюю двадцатку, оставшуюся от стипендии, и радостно приволок из ларька бутылку водки производства ОАО «Асфальт» (я не шучу!). А на утро выяснилось, что Николай Францевич ужасно боится уколов. Приговор врачей «скорой помощи» был единодушен – с водкой надо завязывать. Мне тут же вспомнился анекдот про Тома Уэйтса.

Доктор:

– Если вы не бросите пить, то закончите так же как Фрэнк Синатра!

Уэйтс:

– Что, таким же богатым и влиятельным?

Но Ник – не Том, он закодировался и действительно не пил. Целых три года! Впоследствии он даже стал директором тюменского рок-клуба «Белый кот», мы ездили к нему на гастроли.

Дело было так. После моего ухода из «ВВС» мы еще больше сблизились с Дином. У нас не было музыкантов, но были стихи, песни – куча песен. Мы объединили усилия, и попытались записать альбом в модном тогда стиле «трип-хоп». Уломали Криви, напрягли ребят из студии «Пиноккио», притащили в квартиру на Викулова комплект записывающей аппаратуры. Альбом получил название «Обмороки» и являл жуткую смесь из хард-роковой гитары, семплов, скретчей, наших не в тон поющих голосов... Какая-то знакомая Дина отвезла итоговый продукт в студию Лагутенко и на этом его история обрывается.

Мы тут же собрали проект «Пони», просуществовавший чуть дольше – год. Уже на излете своей карьеры, приехав к Нику в Тюмень, мы жутко возбудили присутствовавших в зале америкосов

воплями: «Янки, гоу хоум!». Я вообще не припомню более несуразного путешествия. В вагоне поезда нашей соседкой оказалась преогромная псина, которая храпела ночь напролет и спала, уронив морду на мои туфли. Я матерился, бегал курить в тамбур босиком, а под утро хозяйка собаки достала откуда-то целую корзину цыплят – за окном пурга, а у нас птичий гомон (мне не хочется думать, что они входили в рацион питания ее четвероногой подружки).

Сам концерт также достоин отдельного повествования. Дело в том, что Ник позвал нас играть в «солянке» – у «Пони» как раз было песен восемь, не больше. Но как назло, за день до отъезда мы остались без ритм-секции. Было решено, что в бас поиграет наш старый приятель – один из лучших басистов Е-бурга Иван Баженицкий, участвовавший в записи «Обмороков», а ударника Ник даст своего. На деле же оказалось, что играть нам предстоит полных два часа, а барабанщик сидит за установкой с температурой и бредит.

Первые тридцать минут этого шоу зал внимательно слушал нас и... молчал. Совсем. Расстроенные, мы отправились в гримерку пить водяру. Но неумолимый Николай Францевич велел продолжать, сетуя на тупость местной публики. Делать нечего – гитарист Андрюха Тельминов начал играть блюз, потом еще что-то. А дальше понеслась такая ахиня, что передать нельзя. Мы скакали, ревели в микрофоны, тут же сочиняя слова (Дин даже исполнил рэп про попа и его собаку). В зале, однако, наш экспромт вызвал бурю восторга. После концерта нас благодарили: «Вы не представляете, насколько подняли планку тюменской рок-музыки!» Да, уж...

Впрочем... В те сумасшедшие времена рокапопс только набирал обороты и «дать говна» на сцене не считалось чем-то зазорным. Это потом музыканты стали дрожать над каждой нотой и мычать свой текст с игривостью обдолбанного енота. Тут-то мы и обнаружили в полку Устриц громадное пополнение. И что самое обидное – там оказалось немало наших друзей. В принципе, все было логично: Кинчев и Б. Г. надоели, новой волны можно было ждать до второго пришествия, а так хотелось славы и денег! И тогда появился «Опиум».

С Глебушкой Самойловым мы познакомились на дне рождения Сергея Кондакова, лидера «Отражения», группы, где играл тогда и Камень. Мы поболтали, его здорово насмешил мой первый и последний опыт выступления под травой. Глеб показался мне довольно неглупым человеком. Да и вообще, в дни моей юности я уважал «Агату Кристи» за удивительный мир, где каждый вечер на манеж выходил клоун-маньяк, все стрелялись под музыку Стинга, тархтел пулемет «Максим»... Но именно через «Опиум» началась эра всеобщего опопсения. И теперь, когда я слышу, как Буба с придыханием рассказывает о встрече с Аллой Пугачевой на вручении очередной золотой статуэтки, тут же вспоминаю нетленку Глеба про губы и гуталин. После этого альбома все сколько-нибудь подающие надежды музыканты зачем-то бросили сочинять песни и занялись сдираловом гармоний у групп, кочующих в чартах MTV. Слово, которое было Богом русского рока, оказалось ненужным. Текстами песен можно стало подтирать задницу. Зато ничто больше не напрягало народ – из всех тачек понеслись «опиумные» творения бывших Лангустов.

Веселье било через край, а рядом спивался потихоньку Ник и тыкал вилкой в вену Поэт. Хотя последний, в это гиблое для Лангустов время, отделался, скорее, легким испугом. Он долго мотался по столице: получил корочки «Московского отделения Союза литераторов России», завел дружбу с Весёлкиным из «Аукциона» и записал там вполне добротный альбом.

Только прибыв на историческую родину и побегав по радиостанциям, где никто и слушать не хотел его гениальные песни, Поэт остепенился, наконец. Как-то я получил от него небольшую открытку – приглашение на свадьбу. Между прочим, уникальное в своем роде послание – начиналось оно словами: «Дорогой друг...» А в самом конце было стыдливо приписано: «Вход 120 рублей».

Затем он написал Манифест о разотождествлении себя со своей группой и занялся созданием рекламных роликов.

Кончилось время, когда Поэт мог пить водку, сидя в жуткий мороз на крыше диновского дома, бить стаканы и плакать от одиночества. Он превратился в милого такого Мальчика Бананана со всякими модными прибабасами. Наверное, лет через десять я увижу книгу его стихов среди номинантов на какой-нибудь «букер».

И все же, вспоминается другое: наш дебют в Е-бурге на сцене актового зала УПИ. 16 декабря Поэт отмечал очередную годовщину своей творческой деятельности и позвал нас выступить. Он был трезв, читал стихи и пел пронзительные совершенно песни.

Я вспоминал: туман бродил над Сеной
Да, я был Наполеоном, но никто не верил.

На сюртук, подогнанный отлично,
Падали звезды с черного неба.

Мы ночевали в зрительном зале, пили китайский спирт, орали что-то из Янки Дягилевой. Барабанщик Самогон спал, зарывшись в гитарные чехлы, и будил нас в четыре утра своими неистовыми соло (было холодно, и играл он в варежках). Мы подарили Поэту бутафорский сюртук с эполетами, он очень шел к его шевелюре. Казалось, это праздник будет всегда.

Глава 2

В то странное время, когда окончательно развалился «Наутилус», надолго замолчал Летов, а Макар занялся кулинарией; когда боги по большей части умерли и началось «Нашествие» имени Миши Козырева, никто и не подумал о том, что оплеванная эпоха андеграунда – возможно, была лучшей страницей в истории отечественного рок-движения. Можно пылесосить квартиру под песенки «УмаТурман», но когда за окном сумерки, горит свеча, а совсем рядом слышно дыхание любимой, я все же предпочту поставить «День Серебра» Б. Г. или любой из альбомов Ревякина. Меня перестали интересовать живые концерты. А вот Камень по-прежнему ловил кайф от каждого удавшегося сейшна. После моего ухода он стал поигрывать со Шнуром в «Чадо», туда же вновь перебрался и Женька Щетинин.

Да, Шнур... Наш brutальный продолжатель дела Курта Кобейна все время попадал в какие-нибудь истории. Так однажды полез на скалы «Чертова городища» безо всякой страховки, естественно, и сломал себе ногу. В кости ввинтили металлические штыри, горе-альпинист хромал едва ли не с год. На концерте он мог свободно швырнуть бутылкой пива в кого-то из слажавших музыкантов. А осенью Шнур регулярно устраивал экспедиции в лес за веселыми грибами. Он ел их сырыми, сушил и, наверное, даже курил через трубку в холодные зимние вечера.

– Шнур, ты чего такой смурной?

– Да, нормально все! Это у меня... анатомия такая.

Не меньшим экстремалом был и Камень. Окончательно замучив медсестер психушки просьбами забрать его к себе, наш доблестный поэт-ударник решил-таки на отчаянный шаг. Он попрощался с семьей, отправился на вокзал и купил билет до Верхотурья. Мысль похоронить себя в монастырских стенах, я думаю, пришла ему в голову после известия о судьбе Криви. Тот уже несколько лет пел на острове Русский в церковном хоре – кажется, об этом я уже упоминал. От пострига Камня спасла случайность: попав в вагон ночного поезда, будущий монах обнаружил там вещи, столь не соответствующие его возвышенным помыслам, что пулей вылетел на перрон.

Единственной старой бандой в Е-бурге, не потерявшей ни собственного лица, ни фанов в эту эпоху оставался лишь «Чайф». Шахрин сотоварищи удачно вписались в новую тусовку, при этом они продолжали оставаться все теми же развеселыми пельменями, которых мы знали и десять лет назад. Еще одна их заслуга – «Чайфы» никогда не чурались выступлений на пару с младшими коллегами. «Вруцелето» – проект Старого, после нашего распада, и «Эйсид Амбреллас», группа Ивана Баженицкого – играли на очередном юбилее «Чайфов». На гастролях в Тюмени их разогревал «Овод». Криви, нажравшись в дугу, даже мог позволить себе слегка поиздеваться над Бегуновым.

– Вова, ну что за херь ты играешь? Давай, учи гаммочки, не смейся людей.

– Иди, иди уже – алкоголик!

Кстати, Криви отличался талантами не только на музыкальном поприще. Он успешно закончил худграф нижнетагильского пединститута, участвовал в выставке десяти лучших художников Урала: его полотно «Гагара» долго находилось в экспозиции картинной галереи «Эстер».

Как-то, под впечатлением от прочитанного романа «Моби Дик», Криви написал целый цикл картин весьма напоминающих новгородские иконы – настолько они были черны (он даже изобрел специальный термин для своей живописи – «депресссионизм»). Мы решили устроить ему выставку в Е-бурге. Глубокой ночью Дин встречал на вокзале Солоху и Криви, привезших штук пятнадцать этих шедевров. На манер кубинских партизан, прячась от ветра за каждой кочкой, они несли холсты до диновской квартиры, где и отметили завершение трудов бутылкой «Столичной».

Ленка – моя жена – заведовала чем-то вроде выставочного зала в клубе неформального общения молодежи «Ключ». Недели две мы готовили помещение, приколачивали драпировку, подключали свет. На открытие выставки позвали Поэта. Дин и я играли с новыми составами

музыкантов. Получился довольно милый концерт, а затем благодарные зрители проследовали в соседнее помещение созерцать великие полотна и слушать комментарий автора, который, впрочем, лишь ворчал про «офигительное количество масла, вбуханное в каждую картину». Я тоже грешил по части красок, рисовали что-то Дин и Поэт. Последний даже пытался поступать в Шадринское художественное училище. Только вот, будучи с рождения дальтоником, он зачастую писал небо в оранжево-зеленых тонах, а это уже никак не укладывалось в прокрустово ложе академической живописи. Трудно сказать, насколько ему понравилось творчество Криви, но знаменитый афоризм про мазню Родена, кажется, был сочинен им как раз после этой выставки.

Мы тогда, естественно, отправились к Дину. И Криви по дороге рассказывал, как некто Дима Южаков, лидер тагильской группы «Мэри Селест», в гостях у Кривоносова, напившись, залез в постель, где хозяйин с девушкой Лерой занимались сексом, долго бубнил про то, как он любит Криви, и уходить домой не собирался. Потом, неожиданно, Южу «пробило на пожрать», он пополз на кухню. Встав утром, Кривоносов обалдел – посреди кухонного стола и под ним лежали куски расколотого арбуза, бульонные кубики. Яйца и торт, перемешавшись, представляли собой нечто вроде замысловатого натюрморта. В середине стола спал Южа.

Криви ушел – ему нужно было спешить на лекции, а по возвращении испытал новый шок. Кухня блистала чистотой, грязные южины носки на чайнике не висели, самого его нигде не было. И лишь вторично обойдя всю квартиру, Криви обнаружил своего друга на диване в гостиной, где тот спокойно читал томик Шиллера.

Благословенны те времена – мы были молоды, весь мир лежал перед сценой «Свинарника». Никто не собирался жить дольше тридцати лет. Песни, что мы сочиняли, расходились по рукам незаметно, и при этом их пели под гитару на каждой студенческой попойке. Количество разноцветных фенечек на запястьях значило для нас в ту пору больше сторублевок, торчащих из кожаных портмоне. А все, что мы хотели получить в подарок от господина Бога, умещалось в бутылке портвейна. Йа-хха!

Глава 3

Когда-то мы ездили на концерты в стареньком «Запорожце» Сашки Солодяникова – басиста группы «Полтергейст». Набивались по восемь человек в тесный салон этой «Yellow submarine» (машина была ядовито-желтого цвета) и хором пели что-то из репертуара «Queen». Жили мы еще в тихом городе N, за колючей проволокой (город, как я уже упоминал, был атомный и секретный), играли музыку, от которой тащились только несколько наших друзей. Не было инструментов, но мы приспособивали дрянные звукосниматели к акустическим гитарам и использовали пустые коробки вместо ударных.

Году в 91-м состоялся первый в нашей дыре настоящий рок-фестиваль. Лучшими там были парни из Каменск-Уральского, команда «Птица Зу». И был в этой банде абсолютно безбашенный вокалист Юра Цалер. Он глотал на сцене какие-то подозрительные таблетки, падал пузом на гитару и выл как оглашенный. Это было что-то! Чуть позже я услышал в их исполнении идиотскую песенку про «Кошка на кошке, лапка на лапке», а еще позже Юрий, с подачи поэта Ильи Кормильцева, оказался в составе «Мумий Тролля».

Мое поколение постепенно пробивало себе дорогу в столицу. Впрочем, у нас – не попавших на поезд к мировой славе – тоже была веселая жизнь. Взять хотя бы поездку на фестиваль в Златоуст. Мы оказались там без денег (почему – это отдельная история) и без продуктов. В гостинице ночь напролет гремела дискотека, у нас не было ни капли спиртного, жутко хотелось кого-нибудь съесть.

Утром в дверь вежливо постучали. На пороге возник капитан милиции, грозно спросил: «Где здесь музыканты живут? Проверка документов». Мы привычно засуетились, но тот вдруг расхохотался и сообщил, что его зовут Саша – он является организатором рок-фестиваля. Вот это да! Признаться, ни разу еще я не встречал мента, организовавшего музыкантам что-нибудь кроме неприятностей.

Узнав о наших бедах, Саша пообещал помочь. Некто Илья Бенифант – первый бандюга в городе, между прочим – должен был подойти к нам в течение дня и покормить. И он, действительно, появился: шорты, шлепанцы, бритый затылок... Его сопровождали двое кожаных терминаторов. Они уселись на стулья и не произнесли ни слова за все то время, пока мы пили с мафиози водяру и

рубилась за стихи Башлачева. Они так и уснули, сидя. Мы же с Бенифантом отправились в его ресторан, где милые девушки приготовили огромную сковороду жареной картошки с грибами. Потом всем захотелось купаться. Там – в мутной луже, именуемой озером – едва не утонул наш гитарист Леня Водолазкин.

Концерт проходил на стадионе под открытым небом. Сцены как таковой не было, народ под вечер разошелся не на шутку, и я стал опасаться за сохранность в этой давке аппаратуры. Под ногами у меня уже лежали чьи-то выбитые зубы. На микрофон постоянно кидались местные гоблины, поздравляли Ирку и Катю с днем рождения, просили «сыграть «Любэ». Я так охрип, перекрикивая ор толпы, что к концу шоу не мог сказать ни слова. В гостинице на меня напала жуткого вида герла в вечернем платье, от которой разило одновременно духами и вчерашним портвейном. Камень, едва ворочая языком, гундел, что «нет на земле и на небе того, кто мог бы делить людей на плохих и хороших». Назад мы ехали зеленые, но счастливые.

Знаете, как это бывает, летишь по трассе за сто км в час и тут – хлоп – врубаешься во что-нибудь вертикально стоящее! Так и мы, гнали по жизни без оглядки на посты ГАИ, играли наш рок-н-ролл, и даже когда загремели, наконец, в никуда, думали, что продолжаем жать на газ. Но однажды проснувшись, мы не обнаружили себя знаменитыми как Джим Моррисон. Скорее уж, мертвыми.

Однажды Е-бург облетела страшная весть – умер Ник! Рассказывали подробности и даже называли точную дату. Наш вечно пьяный герой работал грузчиком в Магадане и его прирезали портовые авторитеты – такова была официальная версия. Слух номер два – Коля помер от сердечного приступа, услышав последний альбом группы «Блестящие». Как же я был смущен, застав «покойничка» через месяц в гостях у Дина, смачно пьющего одеколон!

Потом схоронили, но уже на самом деле схоронили, Андрея «Свина» Панова из питерской группы «АУ». Ник тогда плакал, вспоминал последние совместные концерты в ДК бронетанковых войск в Москве. Свин был, пожалуй, лучшим его другом. Когда грянула горбачевская перестройка, он прислал ему телеграмму: «Ура, Ник – нас разрешили!» И Коля сей же час рванул в город на Неве.

Там он напугал своим беззубым фэйсом Джоанну Стингрей – девушку, что пыталась продать советский рок америкосам. Ник вообще мог напугать кого угодно – одни его шоу с разрезанием вен на сцене чего стоили! Он рассказывал нам много чего из своих приключений, а мы, развесив уши, тащились и жалели, что пропустили столько интересного.

Я вот подумал: в 80-е был пресс КГБ и куча других неприятных вещей, и в это же время жили люди, знавшие как создавать музыку, которая будет заставлять плакать и искренне восхищаться людей спустя десятилетия. Куда все это делось с появлением клубов, студий и навороченных инструментов?

Нет, Устрицы не оказались сильнее, но мы сами постоянно прикармливали их: бросали новые идеи как объедки с праздничного стола. Они же просто подражали искусству Лангустов, как Сатана пародирует творения господ Бога. Литература и живопись, музыка и театр стали одним роскошным полигоном, на котором в ожидании Армагеддона шли учебные стрельбы. У-упс, кажется, нас подбили!

Глава 4

Наши странные вечера, прокуренные кухни – иногда я тоскую по ним. Там можно было до полуночи рубиться за какую-нибудь строчку из песни Высоцкого. А иногда кухни превращались в модный дореволюционный салон, и там звучал Вертинский, дымилась длинные папиросы. Потом вдруг тарелка с салатом летела об стену и... «Все идет по плану-у!».

Кухня Поэта – похожая на мышиную нору, заваленная черновиками и немой посудой, моя – с дикими обоями «под кирпич» и рокерами, спящими прямо на полу, кухня Дина – о, эта кухня!..

Как-то к Дину нагрянул из Москвы Леха Кудрявцев – бард и актер (посмотрите старый фильм «Шоу-бой» – он играет там бас-гитариста). Мы горланили песни, пили обжигающий чай. Кухню эту Леха едва не спалил, когда среди ночи пытался зажечь спичку об гигантский коробок, помните, раньше продавались такие? Он ткнул впотьмах наугад, прорвал спичкой картонную стенку... и тут же в его руках оказался пылающий факел. Из окна диновской кухни был хорошо виден пивной ларек (его пару раз взрывали) – после празднования Нового года зеленые с бодуна рокеры ползли к нему с ведром за порцией живительной влаги. Как писал сам Дин:

Синдром похмельный озверевает,
Начнет вершить свой страшный суд.
Но тут друзья откроют двери
И пиво холодное внесут!

На эту кухню мы засели с Дином сразу по приезду с тюменского концерта, затаив дыхание слушали нашу, горячую еще, запись. Здесь же сочинялись песенки для дебютного альбома проекта «Пони». Когда Ник едва не подавился продукцией ОАО «Асфальт», мы целый день проболтали у газовой плиты, попивая рассол. Я мог бы сочинить целую оду кухне!

После того, как для меня закончился роман со сценой, только кухни и были тем местом, где я мог петь свои песни. Правда, появилось еще одно увлечение – театр. Театр в родном городе N был замечательный. Там играли «Сильву», «Веселую вдову», «Собаку на сене». В столице, куда мы ездили иногда на гастроли, зрители сходили с ума и выламывали двери РАМТа, пытались попасть хотя бы на последний спектакль. Я заведовал в театре литературной частью, пописывал в газету статьи.

Именно через театр я познакомился с автором «Бременских музыкантов» Юрием Энтиным. Тогда наша труппа собиралась ставить мюзикл «Иосиф и его золотые сны». Идея перенести это раннее произведение Уэббера-Райса на русскую сцену появилась сначала у солиста бит-квартета «Секрет» Максима Леонидова. Он раздобыл где-то для Энтина эксклюзивное право на перевод либретто. Потом как-то все у него не случилось, и лишь через несколько лет Энтин вновь к этой мысли вернулся. Я должен был помогать – то есть писать «рыбу»: словесную чепуху на музыкальный ритм.

«Да, какого черта! Я ли не гений?» – решил я и выдал уже через пару недель готовое либретто к первой части спектакля. Мэтр мой труд оценил, но вежливо попросил через посредников написать что-нибудь не столь талантливое. Да, ради бога! И вот по приезду театра на гастроли в столицу я получил уже личное приглашение классика: не запахло ли, мол, поработать в соавторстве над частью номер два? Ну, еще бы! Ведь на тех же кухнях песня про «Луч солнца золотого» исполнялась на бис! Неужели я смогу устоять перед подобным соблазном? Я и не устоял.

Мы приехали к нему на дачу (станция «Турист» – полтора часа на электричке от Павелецкого вокзала) со специалистом отдела культуры городской администрации Марией Александровной, в наших неформальных кругах более известной в качестве боевой подруги по прозвищу Мышь. Солнце болталось в зените, в конце тропинки заросшей полынью нас ждал Сам: шапка курчавых волос, забавный хрюкающий смех...

Энтин с удовольствием показывал свое хозяйство: на грядках у него работали несколько заслуженных, но материально-обреченных академиков; в гараже стояли две навороченные тачки и был еще бассейн с подсветкой. На стенах в прихожей его дачи висели картинки Шерлока Холмса всех времен и народов – Василия Ливанова. Фарфоровый рукомойник, по словам хозяина, перекочевал сюда прямо из запасников какого-то музея – раньше в нем плескалась царица Елизавета Петровна. Раздолбанное фортепьяно в спальне также оказалось раритетом – за ним композитор Евгений Крылатов сочинял песни к «Приключениям Электроника». Но более всех чудес Шахерезады, что предстали нашим глазам, оценили мы огромный стол на террасе.

– Знаете, – сказал Энтин, – когда-то он стоял в Доме литераторов в Москве. За ним и Булгаков обедал, и Андрей Белый...

Поработать далее над Уэббером нам, однако, не удалось – я был под завязку занят гастрольными делами. Да и проект сотрудничества с театром над постановкой мюзикла был вскоре забыт. Вспоминаю, как Энтин провожал нас под вечер на обратную электричку.

– Когда снимали мюзикл «Мама» с Гурченко и Боярским, – рассказывал он, – чиновники из Министерства культуры решили пригласить вместо нашего, уже утвержденного ранее композитора, какого-то француза (впоследствии его также заменили на румына с замечательной фамилией Попа). Я тогда здорово рассердился и написал такое стихотворение:

Я, как член КПСС,
Не люблю буржуев.
И чего ты к нам залез,
Композитор хуев?

Вот тебе и «Луч солнца золотого»... Тогда же, в Москве, судьба свела с Максом Покровским. «Ногу свело» как раз репетировала в РАМТе, на сцене которого проходили гастроли нашего театра.

Макс приезжал в шикарном джипе и, стараясь остаться неузнанным, бежал мимо гримерок с визжащим кордебалетом к телефону. Он долго что-то бубнил в трубку, косился на полуголых актрисок... Эта игра в шпионов скоро закончилась: его инкогнито раскрыли, заставили фотографироваться в окружении вееров, а Макс, видимо в отместку, позволил нам побывать на репетиции своей банды. Запомнилось одно – музыканты горстями рассыпали по сцене муку и утверждали, что в их новом шоу тут будет кокаин. Боже, как матерились утром уборщицы!

Это лето было последним в моей театральной жизни – в поисках большего заработка я ушел работать в газету. Тогда же Дин и Олег Румянцев, игравший то в «Полдне», то с Ником в «Трите души!», предложили мне попеть в их проекте. Я согласился, о чем не жалею до сих пор. Пара наших песен попала в хит-парад «Нашего радио», мы сыграли несколько чудных концертов... Я вновь обрел чувство защищенности от мерзостей мира, и мой панцирь может нынче выдержать апперкот любого из братьев Кличко.

Собственно, рок-н-ролл всегда и был для меня своего рода крепостью, оборонительным рубежом, пробиться за который не могли никакие беды. Здесь, в электрической гавани, я чувствовал себя как Адам в райском саду до грехопадания. Я мог валяться на пузе и поплевывать на всякие житейские неурядицы, слушая «Нирвану». Отсюда отсутствие денег и перспективы найти хорошую работу не казались мне такими ужасными вещами, что из-за них следовало вешаться.

Потом роль Великой Китайской Стены для меня стала играть литература. Медитируя над очередным рассказом, я забывал о долгах; о том, что мне уже за тридцать; о болячках сына – обо всем. Я знаю, даже сейчас не поздно еще найти теплое течение и барахтаться в нем до умопомрачения. Устрицы будут аплодировать, друзья плевать вслед. Но нет – к черту, к черту все это!.. Лучше слушайте последнюю песню, возможно – смешную и пафосную. Так что ж из того, может статья – это песня последнего Лангуста!

Эпилог

Вы слышите? Так звучит старый бубен шамана, спившегося в своей тайге от тоски по северному сиянию. Так звенят крылья серебряных птиц, в стае которых мне никогда не летать. Я остаюсь здесь – в этом худшем из миров. Просто потому, что я сам выбрал его. По вечерам слушаю музыку и засыпаю под шелест проливного дождя. Золотой песок струится меж пальцев, время медленно ткет свою паутину.

Устрицы отовсюду сползаются к моему ночнику и тревожно скрипят перламутровыми одеяниями. Может, я не разучился еще выковыривать их из сверкающих раковин?

«Танцуй же, танцуй – или умри в своем вонючем хлеву... все еще готовым для полета!» – писал когда-то Джим Морисон. Я танцую, смотри – я по-прежнему помню все эти движения! Я мог бы рассказать гораздо больше! И про тот Новый год, и про первые сумерки, и про то, как пахнут волосы любимой, когда на улицах падает снег... Но нет, это я оставлю себе – свои лучшие воспоминания...

Вы слышите? Может быть – это ветер? Это он навевает лиловые сны! Тискает в объятиях и несет мои мысли туда, где нет ничего кроме путаницы созвездий. Где устало дышит прибой, а в зарослях тростника – светящееся окно.

О чем его песня? О радости поцелуя, о страхе бессонницы. О том, как меняются лица людей, оставаясь не узнаваемыми. О том, почему я не могу больше встречаться с давно знакомыми, но когда-то потерянными на пути. И о том, что, в конце концов, и Лангусты, и Устрицы – все мы – лишь изысканное, любимое лакомство на огромном столе господ Бога.

КОНЕЦ